

Ткаченко Павел Григорьевич

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ И РЕФОРМАТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

В данной статье рассматриваются вопросы взаимоотношения государства и "иностраннх" исповеданий, правовые механизмы, регулировавшие конфессиональное устройство Евангелическо-Лютеранской Церкви Юга России и определявшие порядок духовной жизни российских лютеран в XIX - начале XX вв.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 180-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Согласно М. Шелеру, «личность человека следует мыслить как центр, возвышающийся над противоположностью организма и окружающего» [Там же].

И это определяет дуализм существования человека, состоящего из равного всей природе живого начала (с присущими инстинктами и чувствами) и духа, принадлежащего только человеку и реализуемого в самосознании и способности опредмечивать все свои психические состояния. Из чего следует, что человек все же представляет собой сложнейшее существо, которое реализуется в процессе своей жизнедеятельности благодаря многим природным факторам, главными из которых являются разум, определяемый как продолжение высших психических способностей, которые обнаруживаются и у других представителей природы, но в меньшей степени, и дух, рассматриваемый как стремление преодолеть существующие препятствия. Сочетание этих сил и дает человеческому самосознанию возвыситься над всей остальной природой.

Список литературы

1. **Аристотель.** Политика [Электронный ресурс] // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376-644. URL: <http://grachev62.narod.ru/aristotel/argp011.html> (дата обращения: 23.05.2011).
2. **Большая советская энциклопедия:** в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: Государственное научное изд-во «БСЭ», 1953. Т. 18. 620 с.
3. **Войно-Ясенецкий В. Ф.** О духе, душе и теле // Философские науки. 1997. № 3-4. С. 138-144.
4. **Гайденок П. П.** Бытие и разум // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 114-140.
5. **Григорьян Б. Т.** Философская антропология. Опыт систематики // Там же. 1991. № 1. С. 68-78.
6. **Гуревич П. С.** Философская антропология: опыт систематики // Там же. 1995. № 8. С. 92-102.
7. **Гуревич П. С.** Человек // Философские науки. 1996. № 1-4. С. 226-229.
8. **Кант И.** Критика чистого разума [Электронный ресурс] / пер. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным. М.: Мысль, 1994. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/kanti02/index.htm> (дата обращения: 24.05.2011).
9. **Малый энциклопедический словарь:** в 4-х т. Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 2. 520 с.
10. **Моисеев Н. Н.** Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 16-39.
11. **Словарь философских терминов** / научная редакция проф. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. XVI. 731 с.
12. **Соловьев Э. Ю.** Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. 432 с.
13. **Шелер М.** Положение человека в космосе [Электронный ресурс]. URL: http://www.philosophy.ru/library/sheler/sheler_human_kosmos.html (дата обращения: 19.03.2011).

M. SHELER'S VIEWS ON A HUMAN BEING'S SENSIBLE ESSENCE IN THE WORK "HUMAN BEING'S POSITION IN SPACE"

Vladilen Anatol'evich Tarasov
Department of Social Sciences
Khanty-Mansi College of Service and Technology
tarasov_v76@mail.ru

The article reveals the problem of a human being's origin according to M. Sheler's theory in his work "Human Being's Position in Space" which became the basis of the creation of the doctrine about a human being - philosophical anthropology. At the same time the author undertakes the attempt to consider a human being's essence according to the views of both M. Sheler and other philosophers researching this problem and pays special attention to the problem of sense apperception and personality realization on this basis.

Key words and phrases: existence; sense; human being; personality; culture; intellect; human being's essence.

УДК 930.85

В данной статье рассматриваются вопросы взаимоотношения государства и «иностранных» исповеданий, правовые механизмы, регулировавшие конфессиональное устройство Евангелическо-Лютеранской Церкви Юга России и определявшие порядок духовной жизни российских лютеран в XIX - начале XX вв.

Ключевые слова и фразы: евангелизм; протестантизм; лютеранство; реформатская церковь; религия; право; закон; конфессиональные группы; государственно-правовое регулирование; Российская империя.

Павел Григорьевич Ткаченко

Кафедра истории и методики её преподавания

Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт

advokatrus@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ И РЕФОРМАТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. ©

Создание немецких протестантских колоний на Юге Российской империи относится к XVIII-XIX вв. Основным ареалом колонизации, кроме Поволжья и Санкт-Петербурга, стали регионы Юга России, Крыма, Бессарабии, Закавказья, Вольни, Кубани, Области Войска Донского, Средней Азии и Прикамья.

Юг страны стал вторым крупнейшим центром евангелическо-лютеранских общин в России после Поволжья. Вплоть до 50-х годов XIX века в южных губерниях России, в Крыму и Бессарабии поселилось свыше 150 тыс. колонистов. Впоследствии немецкие колонисты получили особое название - черноморские немцы - по аналогии с остзейскими (балтийскими). Немецкие колонии были основаны в Екатеринославской, Полтавской, Таврической и Херсонской губерниях, в Бессарабии, Крыму, под Одессой, на Дону и Кубани [18, с. 134].

Именно после разгрома Крымского ханства и присоединения к России причерноморских степей и Крыма в 1783 г. ведется начало заселения новых территорий иностранцами, приехавшими в империю за лучшей долей из стран Западной Европы. В соответствии с манифестом Екатерины II (1783 г.) колонисты приглашались в Новороссию, Крым и на Кубань. Активная фаза колонизации Новороссии и Тамани началась с 1787 г., когда на эти территории прибыли переселенцы из северо-западных и юго-западных земель Германии, впоследствии ставшие подданными Российской империи, приняв присягу на верность императрице Екатерине Великой [Там же, с. 135]. Только к концу XVIII века в Новороссии насчитывалось порядка 5,5 тыс. немцев [11, с. 23].

Вторая крупная массовая волна немецкой иммиграции в Россию приходится на первую четверть XIX в. Общее управление и учёт новоприбывших колонистов осуществляла Контора опекунов новороссийских иностранных поселенцев, созданная в 1800 г. и переименованная в 1818 г. в Екатеринославскую. Для руководства всеми южными колониями в 1816 г. был создан попечительский совет иностранных поселений южного края России. В 1803 г. по Высочайшему Указу от 17 октября 1803 г. колонистам, в том числе протестантам, было дозволено селиться в окрестностях г. Одессы. К этому же периоду можно отнести и внутреннюю миграцию российских немцев из Центра России на Юг. Около 10 тыс. семей насчитывалось в пределах только трех южных губерний страны к 1810 г. В 1820 г. были основаны восемь немецких и одна швейцарская колонии в Симферопольском и Феодосийском уездах Таврической губернии. Таким образом, к концу XVIII - началу XIX вв. в Новороссии и частично Тамани сформировалась значительная немецкая лютеранско-реформатская диаспора [19, с. 315]. Все немецкие округа разделялись Конторой на колонистские округа, которые состояли из нескольких поселений.

Быстрый рост иностранных поселений, жителями которых в большинстве своём были немцы, вызвал потребность государства в усовершенствовании государственно-правовой политики и введении механизмов регулирования внутренних и внешних миграционных процессов. Александром I 20 февраля 1804 г. были утверждены «Правила для принятия и водворения иностранных колонистов». Согласно этому законодательному акту в пределы империи разрешалось переселяться только «лицам семейным, зажиточным, доброго поведения и полезным в сельском хозяйстве». Конечно же, без духовного начала, без должного душепопечительства, которое являлось неотъемлемым атрибутом повседневной жизни немецких колонистов, немыслимо было социально-экономическое развитие во вновь создаваемых сельских поселениях-колониях. После переселения на новую родину колонисты на Юге, как и ранее их братья по вере, столкнулись с проблемами нехватки священнослужителей. В 1800-1810 гг. на всей территории Новороссии и Тамани лютеранские богослужения и требы совершал пастор Карл Биллер из Иозефстала [18, с. 136]. В числе первых пасторов, служивших в южных пределах России не ранее 1820-х годов, источники называют Пферсдорфа (Большой Либенталь), А. Ф. Гранбаума (Фрейденталь), Б. Целинга (Молочные Воды), Ф. Горнборга (Крым - Тамань), Зедергольма (Таганрог), Краусберга (Глюксталь), а также В. Гарта, Х. Ф. Гайзе, Беттигера и др. [Там же]. Для протестантов новороссийских колоний в 1812 г. агентом Сарептского евангелического общества Андерсом было выписано из Германии четыре пастора [Там же, с. 137].

Правительство осознавало эти проблемы и предприняло ряд усилий, которые привлекали бы духовных лиц к служению в далёкой России. В соответствии с новыми правилами протестантское духовенство от государства получило не только земельные наделы и деньги на дорожные расходы, но и десятилетнее, а не двухлетнее, как ранее, содержание из казны правительства. По решению Министерства внутренних дел, после десятилетнего льготного периода, как и в Поволжье, священнослужители должны были содержаться за счет общин [24, с. 126].

Кроме того, Контора опекунов строго следила и за тем, чтобы «расход на построение церквей и на другие предметы, на кои не вдруг сумма выдается, но одновременно по частям, показываем был с означением, сколько уже до того времени отпущено на те предметы было, дабы можно видеть с первого взгляда потребность нового отпуска». Строительство храмов контролировали также главный судья Конторы, гражданский губернатор, казенная палата, губернский архитектор, губернское правление, городская полиция, департамент государственного хозяйства и публичных зданий, смотрители колоний.

К середине XIX в. даже очень небольшая колония имела свою церковь или молитвенный дом. Примечателен тот факт, что под правительственным руководством строительства церквей архитектура первых кирх находилась под влиянием русского зодчества. Вместе с тем некоторые евангелические церкви были построены и в стиле неоклассицизма (псевдороманский, псевдоготический), и фахверковым стиле (церковь в колонии Пришиб в 1806 г.).

С 70-х - 80-х годов XIX столетия нарастает приток немецких колонистов в Область Войска Донского, Кубанскую область и Черноморскую губернию с центром в г. Новороссийске [30, с. 92]. Количество лиц евангелическо-лютеранского исповедания в этих регионах вдвое превышало количество католиков. Значительная часть лютеранских колоний находилась в Миусском (Таганрогском), Донецком, Екатеринодарском

и Черноморском (Екатеринодар, Армавир, Новороссийск, Ейск, Темрюк, Михаэльсфельд (ныне пос. Джигинка), Анхельсдорф (ныне пос. Джубга)) округах [Там же, с. 93].

Следует отметить и благотворительную деятельность русских меценатов, одним из которых являлся крупный черноморский землевладелец, генерал от артиллерии Леонид Ефимович Адамович, который «из принадлежащего ему, Адамовичу, собственного участка земли, доставшегося ему, Адамовичу, от казны по купчей крепости, внесённой под номером двадцать седьмым в крепостную книгу по Черноморскому округу за тысяча восемьсот девяносто третий год, состоящего ныне во второй части города Новороссийска Черноморской губернии не северо-восточном берегу Цемесской бухты, подарил Новороссийскому Евангелическо-Лютеранскому приходу-общине для возведения лютеранской церкви и дома со службами для притча, часть того участка...» [10, д. 541, л. 27]. Таким образом, русское дворянство, среди которого также было немало лютеран, благоволило мастеровому люду и представителям зарождавшейся буржуазии из немецкой среды, которые принимали активное участие в социально-экономическом развитии причерноморского региона Северного Кавказа.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что, с одной стороны, российское царское правительство нуждалось в контроле над духовенством и над жизнью пришлых неправославных общин. Лютеранство по своей распространенности, в особенности в Поволжье, Санкт-Петербурге, Москве и на юге страны, находилось на втором месте после православия и концентрировалось в основном в экономически динамично развивающихся районах. Назрело время коренных преобразований в «иностранный» церковной политике путем систематизации законодательства в части религиозных прав и свобод лютеранского и реформатского меньшинства подданных Российской империи.

Правовое положение «инославных» христианских вероисповеданий в России вплоть до 30-х годов XIX века не регулировалось фрагментарно, в основном это касалось правил осуществления ими хозяйственной деятельности. Начиная с 1700-х годов евангелические лютеране, в особенности их духовенство, были поднадзорны Священному Синоду, а именно отделу иностранных исповеданий. Принимая во внимание генетическое родство Августейшей фамилии с вышеназванной христианской деноминацией, значительное число дворян-лютеран, в том числе состоящих в кровном родстве с императорской семьей, требовало повышенного внимания со стороны власти.

Начиная со времен Петровских преобразований, Екатерининского призвания немцев, лютеранство становится официально терпимой Церковью. Подтверждением тому является открытие новых лютеранских и реформатских приходов в Санкт-Петербурге, Москве, Архангельске, Твери, Калуге, Одессе, Саратове и ряде других городов. К началу XIX века в Российской империи имелось свыше 500 лютеранских приходов, не считая Прибалтики и Финляндии [30]. К этому времени активно осваивались просторы Сибири и Дальнего Востока, Кавказа и Средней Азии, конечно же, не без участия немецких колонистов. Назревала необходимость некоей структуризации Евангелическо-Лютеранской Церкви как государственного органа, существенно влияющего на культурное, духовное и, как следствие, социально-экономическое развитие немецких колоний в империи.

Система государственных правоотношений с Евангелическо-Лютеранской Церковью вышла на качественно новый уровень после принятия и утверждения в 1832 году Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви, который содержал общие законоположения. С принятием основного конфессионального документа Лютеранская Церковь приобрела качественно новый правовой статус и юридическую основу, на которой могло строиться её дальнейшее развитие и существование. Другими словами, основной церковный закон дал новый импульс динамичного развития протестантизма в его лютеранской версии. Устав Церкви базировался на Общем шведском церковном уставе, Литургическом установлении 1805 г. и Прусском церковном уставе 1828 г. [18, с. 85].

Данный Устав состоял из 512 статей и специального «Наказа духовенству». Первая статья Устава провозглашала основы евангелическо-лютеранского вероисповедания. Помимо определения вероучения глава I «Об учении» (§ 1-5) категорически запрещала прозелитизм и любые проявления нетерпимости и неуважения к представителям других конфессий, официально признаваемых в Российской империи (§ 5) [Там же, с. 85-87].

Первая часть главы II «О богослужении» (§ 6-17) была посвящена отправлению публичных богослужений, перечисляла церковные праздники и предписывала проводить богослужения не только по праздникам и воскресным дням, но и в дни рождения императоров и членов их семей (§ 10). Вторая часть главы регулировала порядок совершения молитвенных треб и служений в молитвенных собраниях, проводимых в частных домах, запрещалось проведение мероприятий религиозного характера, не санкционированных консисторией и светскими властями, а также публичная проповедь лицами без соответствующего духовного образования [Там же, с. 86, 87].

Глава III «О совершении таинств и о других священнодействиях» (§ 18-65) позволяла совершение церковных таинств исключительно лицам, состоящим в духовном чине, то есть пасторам. Только лишь в случаях безотлагательных крещение как основное таинство могло быть совершено лицом, не имеющим духовного звания (§ 18). Крещение над младенцами совершалось в четко установленный временной промежуток, а именно после первых восьми дней жизни и не позднее шести недель после рождения (§ 20). Обряд конфирмации (миропомазания) совершался над детьми не ранее 15 и не позднее 18 лет, при условии их владения грамотой и основами знания вероучительных догматов Лютеранской Церкви (§ 33-34). Четвертая часть рассматривала таинство святого причастия и предшествующую ему исповедь и отпущение грехов. Пятая часть данной главы была посвящена обряду бракосочетания, шестая - погребению [Там же, с. 87].

Глава IV «О браках» (§ 66-135) регулировала нормы брачно-семейного права лиц евангелическо-лютеранского исповедания, которые были юридически близки нормам российского семейного права [Там же, с. 86, 87].

Глава V «О проповедниках и церковном причте» (§ 136-263) регулировала статус кандидатов в духовенство. Право проповедовать мог получить лишь тот, кто был крещен, конфирмирован, успешно окончил богословский факультет университета и свободно владел русским языком (§ 138) [18]. Небезынтересно, что проповедником мог быть мужчина, достигший 25 лет и прошедший испытания в форме коллоквиума в консистории. Так, известный исследователь лютеранства в России, доктор исторических наук О. А. Лиценбергер, ссылаясь на архивные фонды ЦИАМ, приводит пример, когда католический священник обратился с просьбой в Генеральную консисторию о разрешении ему пройти испытания и получить должность пастора в евангелическом приходе [31].

В соответствии с Уставом одни проповедники и пасторы назначались короной, в то время как другие избирались общинами, а император лишь утверждал их в должности (§ 158-159) [18, с. 87]. Проповедник избирался общиной, на общем собрании прихода, на котором присутствовали пробст (благочинный) и член консистории, простым большинством голосов. Принцип некоего «демократического централизма» утверждался в том, что проповедник не мог быть назначен вопреки желанию членов общины (§ 164) [Там же]. Ординация (рукоположение) кандидата в пасторы совершалась суперинтендантом или генерал-суперинтендантом, а введение в должность разрешалось произвести пробсту (благочинному) [Там же]. Данная глава четко очерчивала должностные обязанности пасторов Церкви, которым следует «исполнять должность свою с величайшим радением и точностью, стремясь беспрестанно к великой предназначенной им цели, распространению царства Божия на земле, стараясь, во всяком случае, утверждать своих прихожан в истине христианского учения...» (§ 181) [Там же, с. 88].

Проповедники и пасторы должны были совершать определенные обязанности, а именно: навещать больных, заключённых, заботиться о бедных и нуждающихся, следить за духовным обучением детей и взрослых. Кроме того, пасторам вменялось в обязанности вести списки новорожденных, крестившихся, конфирмируемых, обручаемых, оглашаемых, сочетающихся браком и погребённых в своем приходе. Списки рождённых, крещённых и погребённых ежегодно предоставлялись в консисторию. Одновременно пасторы были обязаны вести общий список прихожан и писать хронику прихода, отображающую заметные вехи в истории общины [Там же, с. 87, 88].

Так, автор при проведении исследований в области исторического развития российского лютеранства в частности и «инославных» конфессий в целом неоднократно прибегал к архивным церковным материалам, которые рисовали живую, энергетически насыщенную картину быта российских лютеран со всеми её драматическими и трагическими тенями. Согласно пасторской книге Немецкой Евангелическо-Лютеранской общины Московского консисториального округа г. Новороссийска Черноморской губернии, активными прихожанами общины св. Георгия в городе были: барон Отто Андреевич фон Тиссен, полковник Отдельного кавказского корпуса, служивший на Черноморской оборонительной линии, отличившийся в Русско-кавказской войне; потомственный почетный гражданин Оскар Павлович Ливен, строитель начальных школ для детей рабочих цементных заводов; коллежский ассесор Александр Карлович Струве, товарищ начальника Новороссийской таможни; 18 из 32 членов совета директоров цементного завода «Звезда» (ныне ОАО «Пролетарий») также являлись членами лютеранской общины [27]. Таким образом, обязательная регистрация важных событий, происходивших в общине, представляет неоценимый источник для проведения исторических исследований.

Особый интерес представляет нетипичный для «заграничных» лютеран запрет лицам духовного сана заниматься ремёслами, торговлей и иными делами, несообразными их духовному назначению, также не дозволялось пасторам подавать иски в суд, кроме случаев необходимости судебной защиты своих собственных прав или прав своей семьи. Кроме того, пасторам запрещалось покидать приход по воскресеньям и более чем на одну неделю, не получив разрешения начальства [18, с. 88].

Устав подробно обговаривал и права духовных лиц Лютеранской Церкви (§ 221-227), принадлежавшие им кроме прав личных и имущественных и регулировавшихся Законами о состояниях. Это были такие права, как право на получение титула, награждение наперсным крестом, освобождение от уплаты весовых денег при почтовых отправлениях, освобождение от телесных наказаний, которые распространялись на жён и детей пасторов и проповедников. Данные параграфы регламентировали порядок денежного вознаграждения духовного лица, позволяя получать даяния за проведение экстраординарных треб. Вместе с тем доходы пастора могли быть ограничены решением прихожан. Устав подробно рассматривал преступления и проступки, совершаемые проповедниками, подсудность и меры дисциплинарного (выговор, строгий выговор) и административного (отрешение от должности, лишение сана) наказаний (§ 225-258) [Там же, с. 89].

Незначительное число параграфов касалось лиц низшей степени духовной иерархии - кистеров (дьяконов) и органистов (§ 259-263), однако пробстам (благочинным), генерал-суперинтендантам, суперинтендантам, евангелическо-лютеранским епископам была посвящена целая VI глава «О высших духовных сановниках» (§ 264-289). Ко времени принятия Устава в Российской империи имелся 31 пробст: три - в Санкт-Петербургской губернии, восемь - в Лифляндской, восемь - в Эстляндской, семь - в Курляндской, один - в Виленской, два - в Саратовских колониях и два - в южно-русских немецких колониях (§ 264). На должность

пробста назначался пастор (проповедник), избираемый всеми духовными лицами пробстского округа (благочиния). Как правило, на эту должность представлялось два кандидата, один из которых впоследствии представлялся Генеральной консистории и утверждался министерством внутренних дел. В обязанности пробста входила пасторская визитация всех приходов пробста не менее одного раза в три года (§ 270) [Там же].

Руководство пробстами в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, а также в Санкт-Петербургском и Московском консисториальных округах осуществляли генерал-суперинтенды, а пасторские начальники на острове Эзель, в городах Ревеле и Риге именовались суперинтендантами. Первые и вторые должностные лица также являлись духовными лицами, функции которых напоминали епископские в римской и греческой Церквях. Один раз в шесть лет эти иерархи должны были совершать визитации всех пробств. В знак особой монаршей милости и за выдающиеся заслуги перед обществом и Церковью суперинтендантам могло быть пожаловано звание почётного епископа [Там же, с. 90].

Глава VII «О консисториях» (§ 290-329) устанавливала в России восемь консисторий: Санкт-Петербургскую, Лифляндскую, Эстляндскую, Курляндскую, Московскую, Эзельскую, Рижскую и Ревельскую, а также относившиеся к ним города (§ 290-291). Отдельные лютеранские приходы объединялись в пробста, пробста - в консисториальные округа. В состав консисторий входили светский президент, духовный вице-президент (суперинтендант) и равное число духовных и светских лиц, именовавшихся заседателями [Там же, с. 91].

Глава VIII «О судопроизводстве в консисториях» (§ 330-437) перечисляла общие положения и регламент судопроизводства. Суду консистории не были подведомственны дела, подлежащие рассмотрению в светских судах. В данной главе достаточно подробно описывался частный и следственный порядок судопроизводства. Устав вводил ряд новых юридических понятий: донос, предварительное расследование, истец, ответчик, свидетель и пр.; также документ регулировал устное и письменное судопроизводство, перечислял особенности производства по семейно-брачным спорам, а также устанавливал порядок отложения или переноса дел по апелляционным и частным жалобам [Там же, с. 92].

Интересна глава IX «О евангелическо-лютеранских синодах» (§ 438-458), которая затрагивала вопросы проведения консисториальных и пробстских (окружных) синодов, а также Генерального Синода и их компетенции. Под синодом понималось общее духовное собрание, созываемое с целью усовершенствования каждого духовного лица посредством «взаимного друг другу сообщения мыслей, местных наблюдений и сведений о духовных предметах, об исправлении пасторских обязанностей, о встречаемых ими на сем пути трудностях и о способах преодоления оной» (§ 446) [Там же]. Ввиду ряда обстоятельств, носящих политическую окраску, Генеральный Синод так и не был ни разу созван вплоть до 1924 года.

Главою X «Об управлении имуществом евангелическо-лютеранских церквей» (§ 459-501) регулировались церковно-имущественные отношения. Устав регламентировал порядок приобретения и отчуждения церковного движимого и недвижимого имущества. Одновременно часть вторая настоящей главы определяла порядок избрания церковных советов, управления доходами общины и наблюдения за церковными ценностями, а также процесс избрания и назначения старост и церковных попечителей (§ 477-496) [Там же]. Часть третья указанной главы регулировала порядок производства ремонта, перестройки храмов, строительство и освящение церквей (§ 497-501) [Там же, с. 93]. При желании кого бы то ни было построить церковь на собственные средства, главою XI «О праве патронатства» (§ 502-512) устанавливались права патроната, причины и условия его лишения [Там же, с. 92, 93].

Кроме самого Устава к нему прилагалось дополнение в виде заключительной части (§ 1-122), которая представляла собой «Наказ духовенству и начальствам Евангелическо-Лютеранской Церкви в Империи» об учении Церкви, о богослужении и священнодействиях, о браках, об испытании кандидатов в духовенство, об обязанностях церковных попечителей и старост. Данный Устав действовал в России 92 года. После опубликования главного церковного закона он был направлен во все евангелические общины и приходы государства.

Принятие и утверждение Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви от 28 декабря 1832 года укрепило особое положение лютеранского исповедания среди других неправославных христианских конфессий в России. В соответствии с новым законом лютеранство становилось не только официально «терпимой» деноминацией в империи, но официальной церковной организацией, получивший государственный статус наряду с православием [17].

Свод законов Российской империи, рассмотренный Государственным Советом и введённый в действие с 1 января 1832 года, вплоть до Октябрьской революции 1917 года регулировал правоотношения между государством и Евангелическо-Лютеранской Церковью, определял её место среди конфессионального многообразия в России. В соответствии со Сводом законов вероисповедания делились на три категории: первая и главенствующая - Русская Православная Церковь; вторая официальная - Евангелическо-Лютеранская, «терпимая» Римско-Католическая и, наконец, третья - ислам, буддизм, иудаизм. Гонимыми конфессиями являлись старообрядчество и сектантство [27].

Несмотря на то, что лютеранство обрело качественно новую форму среди церковных институций, тем не менее лютеранское исповедание находилось под жёстким контролем государственно-административного аппарата. За деятельность духовенства тайный надзор осуществляло III Отделение Собственной Его Величества Канцелярии, осуществлявшее функции государственной тайной полиции, созданное после декабрьского мятежа в 1826 году. По иронии судьбы нередко именно лютеране возглавляли эту государственно-

репрессивную машину. В структуру III Отделения входила вторая экспедиция, которая занималась религиозными преступлениями и борьбой с «неблагожелательным» духовенством. Государство стремилось взять под контроль духовных лидеров с максимальной эффективностью [7, с. 753].

По положению «О духовенстве» 1842 года все пасторы «иностранного» исповедания должны были находиться в российском подданстве, не только свободно владеть русским языком, но и по предписанию 1852 года проводить на нём конфирмационные занятия, а с 1863 года - богослужения и библейские часы (литургию часов) [Там же]. Несмотря на свой статус, Лютеранская Церковь не могла заниматься прозелитической и проповеднической деятельностью среди православного населения империи. Данная привилегия оставалась за «*primus inter parus*», т.е. первой среди равных - Русской Православной Церковью, в том числе и в иностранной среде. Результатом такого положения вещей стало принятие лютеранами «греко-русской веры», т.е. православия. Хотя такая тенденция среди лютеран была незначительной. Например, в 1842 году в Саратовской губернии из 933 человек, обращенных в православие, лишь трое исповедовали ранее лютеранство [26].

Процесс взаимовлияния между лютеранами и православными, конечно, не носил одностороннего характера. Так, в начале XIX века православные обыватели переходили в протестантизм. Имели место случаи перехода в лютеранство в Кубанской и Донской областях женщин, вышедших замуж за немецких и эстонских колонистов, а также лиц мужского пола, прибывших на земли Кубани и Терека с территории Слободской Украины и Центрального Черноземья. Это заставило правительство пойти на достаточно радикальные меры [24, с. 61].

В 1845 году в Российской империи было принято «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое ознаменовало переход России к цивилизованным нормам правоприменительной практики. Впервые появилась Общая часть в виде первого раздела, которая раскрывала содержание таких юридических понятий, как преступление, проступок, наказание, умысел, соучастие и пр. Раздел же второй Уложения назывался «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений». Таким образом, преступления против веры и церкви все ещё оставались на первом месте. Глава первая закона устанавливала наказания за богохульство и порицание веры. Справедливости ради следует отметить, что впервые российским законодательством защищались интересы не только Православной Церкви, но и интересы иных христианских конфессий [18, с. 96]. Таким образом, права Евангелическо-Лютеранской Церкви, как и Православной, находились под покровительством и защитой государства. Кроме того, в двух статьях Уложения содержалось прямое упоминание о защите интересов Евангелическо-Лютеранской Церкви. Лишению всех прав и ссылке подлежали мусульмане и иудеи, вступившие в брак с лицами евангелическо-лютеранского или реформатского исповедания, которые «будут вопреки данным ими подпискам воспитывать детей своих не в христианской вере» (ст. 192). В ст. 222 говорилось, что виновные в погребении христиан протестантских исповеданий без совершения соответствующих их вере церковных треб подлежат аресту сроком до трех месяцев. Статья 190 второй главы Уложения «Об отступлении от веры и постановлений Церкви» в числе других преступлений из разряда «об отвлечении и отступлении от веры» упоминала «совращение кого-либо от христианской веры православного или другого исповедания в магометанскую, еврейскую или иную нехристианскую», которое наказывалось плетьюми, а также наложением клейма, лишением всех прав состояния и последующей ссылкой на каторжные работы сроком от восьми до десяти лет (при насилии в процессе совращения христианина - до 15 лет). Христиане всех исповеданий практически равным образом защищались от посягательств на их веру со стороны нехристиан. Однако следует признать, что в первую очередь это распространялось на Русскую Православную Церковь [Там же, с. 98].

За обращение из православия в иное христианское исповедание, в том числе евангелическо-лютеранское, виновный приговаривался в соответствии со ст. 195 Уложения к лишению всех прав и преимуществ и ссылке «на житьё в губернии Тобольскую или Томскую» или «к наказанию розгами и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного до двух лет». В случае если имелись доказательства насильственного совращения православного в инославие, виновный приговаривался к лишению всех прав состояния, наказанию плетьюми и ссылке на поселение в Сибирь. Вместе с тем закон умалчивал о наказаниях за обращение из иного христианского исповедания в православие, в том числе с применением насилия, хотя, как известно, случаи массового обращения из лютеранства в православие имели место в 40-е годы XIX в. в Прибалтийских губерниях России. Разумеется, существовали нарушения в случаях переходов лиц православного исповедания в лютеранство, таковые разрешались только с разрешения губернаторов [22, с. 85-88].

Ряд статей Уложения носил явно запретительный характер по отношению к определённым действиям неправославных священнослужителей. Так, статья 197 предполагала жёсткую санкцию за «совращение» в свое исповедание православных в проповедях; статья 201 предусматривала наказание за допущение православных к исповеди, причащению, исправлению других духовных треб; статья 202 говорила об ответственности за преподавание катехизиса малолетним и т.п. Кроме того, запрещалось препятствовать кому-либо добровольно присоединиться к Православной Церкви (ст. 199), а также принимать «иноверцев» российских подданных в свое исповедание «без особого на каждый случай разрешения» (ст. 204) [Там же, с. 87, 88].

Общие законоположения о протестантизме в империи, согласно Своду законов издания 1896 г. (т. 1, ст. 1, 2), провозглашали полную свободу Аугсбургского вероисповедания и совершение евангелическо-лютеранских богослужений. Кроме того, Свод законов Российской империи определял права и обязанности лютеранских священнослужителей, предписывал порядок совершения богослужений, предусматривал внутреннее строение Лютеранской Церкви, устройство лютеранских приходов и общин и порядок их управления [18, с. 98].

Процесс формирования единой Евангелическо-Лютеранской Церкви завершился во второй половине XIX века. К 1868 году в России проживало свыше двух миллионов лютеран [11]. Государство вплоть до середины XIX века пыталось целиком и полностью подчинить себе Лютеранскую Церковь, законодательно ограничивая её влияние среди народа, где она являлась одной из форм социально-духовного самовыражения со свойственной ей прагматичностью и христианской свободой.

Юридическое признание Лютеранской Церкви государством дало новый импульс межконфессиональному диалогу с Русской Православной Церковью. В Российской империи начали издаваться большими тиражами труды лютеранских богословов, в теологических школах, таких как Московская, Санкт-Петербургская и Казанская Духовные академии, появились кафедры сравнительного (протестантского) богословия [33, S. 167]. Лютеранское меньшинство почувствовало себя уютнее и значимее, это придало им уверенность в завтрашнем дне и сказалось на дальнейшем социально-экономическом развитии немецких колоний, а также отдельных отраслей промышленного производства (цементная и металлургическая), где зачастую управленческие и финансовые решения принимали представители последователей евангелическо-лютеранского исповедания [32, S. 41-45].

Список литературы

1. Агаева Э. Я. Становление и дальнейшая судьба немецких колоний в Терской области // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995.
2. Агапов А. Б. Церковь и исполнительная власть // Государство и право. 1998. № 4.
3. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
4. Архимандрит Августин (Никитин). Немецкая Евангелическо-Лютеранская Церковь св. Петра // Немцы в России: петербургские немцы. СПб., 1999.
5. Барсов Н. И. Протестантизм в России // Христианство: энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. Т. 1. 730 с.
6. Бобылев А. Благотворительность // Немцы России: энциклопедия. М., 1999. Т. I. 900 с.
7. Бобылев А. Евангелическо-Лютеранская Церковь // Там же.
8. Бобылев А. История и правовое положение Лютеранской Церкви в России до 1917 года // Наша Церковь. СПб., 1994-1996. 145 с.
9. Велицин А. А. Немцы в России: очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1893. 360 с.
10. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 2. Оп. 1.
11. Кабузан В. М. Немецкое население в России в XVIII - начале XX века: численность и размещение // Вопросы истории. 1989. № 12.
12. Клаус А. Наши колонии: опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб.: Типография В. В. Нусвальта, 1869. 516 с.
13. Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы России XVIII-XX вв. СПб.: Литера, 2001. 345 с.
14. Крест Екатерины: страницы истории лютеранства: город Екатеринбург: личности, документы, фотографии / отв. ред. А. А. Штольц. М.: Фонд лютеранского наследия, 2000. 226 с.
15. Курило О. В. Лютеране в России: XVI-XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995. 48 с.
16. Курило О. В. Лютеране в России: XVI-XX вв. М.: Фонд лютеранского наследия, 2001. 350 с.
17. Курило О. В. Очерки по истории лютеран в России: XVI-XX вв. М.: Фонд лютеранского наследия, 1996. 289 с.
18. Лиценбергер О. А. Евангелическо-Лютеранская Церковь в российской истории: XVI-XX вв. М.: Лютеранское культурное наследие, 2003. 544 с.
19. Мешков Д. Ю. Докладные регистры и мемории Конторы опекунов новороссийских иностранных поселенцев как источник по истории немецкой колонизации юга России 1800-1810 гг. // Российские немцы: историография и источниковедение. М., 1997.
20. Нелипович С. Г. Немцы на российской военной службе: исторический и историографический феномен // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999.
21. Неустров А. Н. О Евангелическо-Лютеранской Церкви в Российской империи. СПб.: Типография Листера, 1856. 458 с.
22. Писаревский Г. Г. Колонисты греко-российского исповедания в Поволжье // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1916. Вып. 33.
23. Победоносцев К. П. Церковь // Московский сборник. Издание К. П. Победоносцева, пятое, дополненное. М., 1901.
24. Попечительский комитет об иностранных поселенцах Южного края России: 1799-1876 гг. / ред. О. В. Конова. Одесса, 1998. Т. 1. Аннотированная опись дел 1799-1818 гг. 434 с.
25. Религиозные организации России: справочник / ред. Ю. Дремлюга. СПб.: Санкт-Петербургский католический информационно-просветительский центр «Militia Dei», 2008. 636 с.
26. Ткаченко П. Г. Конфессиональная политика в Российской империи в начале XX века // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X Междунар. науч. конф. (Иваново, 16-17 февраля 2011 г.): в 2-х ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 2. 660 с.
27. Ткаченко П. Г. Конфессиональная политика российского правительства по отношению к Евангелическо-Лютеранской Церкви в начале XX века // Московское научное обозрение. М., 2010. № 4.
28. Ткаченко П. Г. Развитие меннонитских колоний на юге Российской империи в XIX - нач. XX вв. // Вестник гуманитарного научного образования. М., 2010. № 1.
29. Цветаев Д. В. Положение иноверия в России: историческое обозрение. Варшава: Типография варшавского учебного округа, 1904. 238 с.
30. Чеснок Е. В. Немецкие колонии Области Войска Донского // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995.
31. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М.: Типография «Кригер и сын», 1916. 204 с.
32. Ambruger E. Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart, 1961. 342 S.
33. Freymann R. Gesetz der Evangelisch-lutherischen Kirchen in Russland. Reval, 1901. 458 S.

THE STATE-LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITY OF EVANGELICAL-LUTHERAN AND REFORMED CHURCHES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIXTH - THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES**Pavel Grigor'evich Tkachenko***Department of History and Technique of Its Teaching
Slavic State Pedagogical Institute in Kuban'
advokatr@yandex.ru*

The author considers the problems of the interrelations of state and "foreign" confessions and the legal mechanisms which regulated the confessional structure of Evangelical-Lutheran Church of Russian South and determined the order of the spiritual life of Russian Lutherans in the XIXth - the beginning of the XXth centuries.

Key words and phrases: Evangelism; Protestantism; Lutheranism; Reformed Church; religion; law; act; confessional groups; state-legal regulation; Russian empire.

УДК 111.1(045)

В статье рассматриваются проблемы рода и родословия в философско-антропологическом контексте. Автор обращает внимание на идею родовой идентичности человека как онтологической основы его бытия, что нашло отражение как в зарубежной, так и в отечественной философии. Особое место в статье уделено проблеме становления философской генеалогии, ее роли в современном обществе.

Ключевые слова и фразы: род; родовая идентичность; родовое самосознание; родовая целостность человека; метафизическая сущность человека; генеалогия; философская антропология; философия родословия.

Светлана Ивановна Тонких*Кафедра культурологии и религиоведения
Северный арктический федеральный университет
tosviv@yandex.ru***РОД И РОДОСЛОВИЕ В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ®**

На рубеже XX и XXI вв. в отечественной научной мысли наблюдается возрастание интереса к проблеме рода и родословия. Российское общество на современном этапе серьезно озабочено кризисом такого фундаментального института, как семья, в котором отчетливо наблюдается ослабление родовых и родственных связей. Сейчас в России далеко не каждый знает имена своих прадедов и прабабушек, не говоря уже о датах их рождения и смерти, кроме того, нередко современное поколение не имеет представления и о том, чем занимались и как жили их предки.

Известный русский генеалог Л. М. Савелов в свое время писал: «Мы не знаем ни одного мало-мальски культурного народа в мире, который бы так мало обращал внимание на своё прошлое, так мало бы ценил прошлые деяния своих предков, как это делает великий русский народ, у которого мы замечаем полное отсутствие самосознания, самоуважения и вследствие этого самопознания» [9, с. 9-10].

В истории России XX века произошли крупные социальные потрясения: революции, войны, репрессии, что в итоге способствовало разрушению семейно-родственных связей, ослаблению межпоколенных отношений, забвению семейных традиций, а в масштабе страны привело к «утрате нити собственной исторической судьбы» [3, с. 45].

Среди ученых нередко высказываются опасения по поводу потери идентичности в современной России, отмечается, что «мы становимся людьми неидентифицируемой истории, культуры и духовности, а вслед за этим теряем ощущение живой общности людей» [Там же, с. 43]. Именно кризисное состояние общества побуждает человека обратиться к своему историческому прошлому с целью самоопределения и осмысления собственного существования в условиях нестабильного социума. В связи с этим в гуманитарных науках поднимаются проблемы, необходимость исследования которых диктуется самой жизнью. Сегодня, как никогда, становится ясной необходимость сохранения родовой целостности человека, возрождения родового самосознания, преодоления «разрывов» в социальной памяти поколений, через которую передается общечеловеческая культура и благодаря чему общество сможет обрести нравственное и духовное оздоровление.

Особую значимость в этих условиях приобретает исследование проблем рода и родословия как одного из направлений культурной и философской антропологии. Несмотря на однокоренную связь данных понятий, процесс их изучения в рамках философской антропологии шел неодинаково. Категории *рода* начиная с античности и на протяжении всей истории философской мысли уделялось достаточно много внимания, в то время как проблема родословия активно исследуется в последние десятилетия.